

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ЧУДАКОВ

**АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ
ЧУДАКОВ**

Сборник памяти

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЗНАК
МОСКВА

2013

УДК 80/81
ББК 83
Ч 84

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

Александр Павлович Чудаков: Сб. памяти / Сост.
С. Г. Бочаров, И. З. Сурат, при участии М. О. Чудаковой. —
М.: Знак, 2013. — 432 с.: ил. — (Вклейка после с. 176 и с. 368.)

ISBN 978-5-9551-0664-9

Сборник посвящен памяти Александра Павловича Чудакова (1938—2005) — литературоведа, писателя, более всего известного книгами о Чехове и романом «Ложится мгла на старые ступени» (премия «Русский Букер десятилетия», 2011). После внезапной гибели Александра Павловича осталась его мемуарная проза, дневники, записи разговоров с великими филологами, книга стихов, которую он составил для друзей и близких, — они вошли в первую часть настоящей книги вместе с биографией А. П. Чудакова, написанной М. О. Чудаковой и И. Е. Питович. Во второй части собраны некрологи А. П. Чудакову, мемуары и статьи его коллег и друзей. Жизнь Александра Павловича и его живой образ отражены в многочисленных фотографических материалах, а также в некоторых его автографах.

Книга подготовлена к 75-летию со дня рождения А. П. Чудакова.

ББК 83

© М. О. Чудакова, М. А. Чудакова, 2013
© Авторы, 2013
© Знак, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая Александра Павловича Чудакова	7
<i>Мариэтта Чудакова, Ирина Гитович. Биография</i>	10

І. Слово Александра Чудакова

Из дневников, записных книжек, писем	27
Диалоги с Бахтиным.....	166
М. М. Бахтин о «Поэтике Чехова»	181
Учились, учимся.....	191
Из «Заметок дилланта»	210
«Веселый волк». Книга стихов	217
Когда я умру.....	269
Инскрипты.....	270
Семейные оды	276

ІІ. Память

<i>Андрей Немзер. Памяти Александра Чудакова</i>	295
<i>Сергей Бочаров. Погиб Александр Чудаков</i>	297
<i>Александр Ошоват, Роман Тименчик. Спустя две недели</i>	299
<i>Александр Долинин. Памяти А. П. Чудакова</i>	301
<i>Юрий Манн. Скорбь и благодарность</i>	304
<i>Лев Соболев. Остаются книги</i>	306
<i>Татьяна Смолярова. Расстояние</i>	309
<i>Владимир Паперный. В поисках утраченного</i>	310
<i>Ирина Сурат. Слово и мир Александра Чудакова</i>	314
<i>Сергей Бочаров. Синяя птица Александра Чудакова</i>	322

Юрий Чумаков. Воспоминания и размышления об Александре Чудакове	331
Андрей Немзер. Мир Чудакова	338
Дональд Рейфилд. «Он к величаниям еще не привык...»	351
Анна Саввина. Работа над чеховской библиографией под руководством А. П. Чудакова (1990—2003)	355
Юрий Щеглов. Памяти А. П. Чудакова	362
Александр Кушнер. Памяти Александра Чудакова	368
Елена Ушакова (Елена Невзглядова). Памяти А. П. Чудакова	369
Эмма Полоцкая. Памяти Александра Павловича Чудакова	370
Ирма Видуэцкая. «И всё ж за совесть, не за страх»	377
Андрей Немзер. Человек слова	379
Андрей Немзер. Как сохранилась Россия	382
Сергей Боровиков. Молниевидный брызнет луч	386
Юрий Попов. Наша юность	390
Николай Комаристый. Стромынка, 1954	392
Наталья Иванова. Первый, последний, единственный	395
Владимир Немцев. Последний романтик	399
Ирина Гитович. Попытка воспоминаний	401
Евгений Попов. Чтоб не распалась связь времен	419
Мария Чудакова. Мой папа Александр Чудаков.....	422

ВСПОМИНАЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ЧУДАКОВА

Эта книга памяти незабвенного Александра Павловича Чудакова. Его внезапная гибель уже семь с лишним лет тому назад потрясла тогда читающую не только Москву и не нашу одну Россию, но весь большой гуманитарный мир, и читатели книги увидят, что мы до сих пор не можем с этой гибелью примириться и даже как бы в нее поверить. Саша исчез тогда на самом своем подъеме, на развороте новой научной и писательской жизни. Столько было уже за плечами сделанного и столько лишь начато, к продолжению и развитию чего он полностью был готов. В его тогдашние 67 лет это была не смерть, а именно гибель. Гибель, какая в сознание не уместается. Великолепный филолог, историк литературы только что неожиданно для многих его читателей явился сильным писателем. Но роман естественно вырос из его филологических, научных занятий и интересов, филолог естественно обернулся прозаиком. И вот мы утратили того и другого в один роковой момент. Потеря была научная и литературная — но прежде всего утрата была человеческая. Потому что на наших глазах из нашего мира исчез на редкость свободный внутренне человек, проживший счастливую и красивую жизнь. Это истинно было явление современной нашей русской жизни и нашей культуры — Александр Павлович Чудаков.

Что составило эту памятную книгу? Она открывается биографией, написанной Мариэттой Омаровной Чудаковой совместно с Ириной Евгеньевной Гитович для филфаковского энциклопедического словаря биографий литературоведов, еще не вышедшего в свет. Здесь,

в биографии, освещается история семьи Чудаковых, рассказано о том самом деде его, послужившем прототипом центрального героя будущего романа. Речь здесь идет и о многолетнем человеческом и писательском дневнике А. П., ведшемся им почти каждодневно и оставленном нам как одно из его произведений. Из ранних записей в дневнике еще нашего исторического 1956 года мы узнаем о его писательском замысле и можем видеть, насколько издавело созрел роман. Восемнадцатилетним второкурсником была задумана «История моего современника» и его будущая структура — «используя автобиографический материал, но не давая своего портрета», — и замысел созрел затем для осуществления через сорок лет. Дневник за многие годы огромен, и полное наше знакомство с ним еще впереди; но солидная часть его подготовлена с личными комментариями М. О. Чудаковой и напечатана ею как «приложение» в последнем издании романа А. П., признанного жюри премии Букера лучшим русским романом первого десятилетия XXI века (Ложится мгла на старые ступени. М., 2012. С. 501—636). В настоящей книге эта публикация воспроизводится в расширенном виде. В 1970 году состоялась встреча А. П. с Михаилом Михайловичем Бахтиным, разговоры с которым о Чехове и о своей «Поэтике Чехова» он записал на многих листках, собираясь включить их в книгу мемуаров о своих великих учителях; этот материал («Бахтин о “Поэтике Чехова”») был подготовлен и опубликован М. О. Чудаковой в 13-м выпуске «Тыняновского сборника» (2008. С. 595—603); для настоящей книги текст расширен. В нашем сборнике авторская запись разговора с М. М. Бахтиным о Чехове и о «Поэтике Чехова» сопровождается примечанием, составленным автором этих вступительных заметок. Бахтинские записи дополняют подготовленную сейчас к изданию мемуарную книгу о разговорах А. П. на протяжении многих лет с крупнейшими филологами XX века, ставшими ему научными и личными учителями, — С. М. Бонди, В. В. Виноградовым и В. Б. Шкловским. Наконец — стихи А. П., которые он писал всегда и собрал их в целую книгу — «Веселый волк», осуществив ее домашнее издание в четырех экземплярах, но и после книги он не переставал писать стихи, а в ту же книгу тогда же начал включать и свои стихотворные инскрипты — дарственные надписи друзьям, какие он всегда писал в стихах, превратив их в особый жанр, где чудаковский шуточный юмор единственным образом сочетался с серьезными темами. Избранные стихи и инскрипты А. П. Чудакова также присутствуют в настоящей книге. Часть их вошла в стихотворный сборник, другие

возникали позже отдельно. Публикуются также и записи к подготовлявшемуся филологом-писателем роману; темы литературно-творческие соединяются здесь с волновавшими его темами общественно-политическими.

Слово самого Александра Павловича, таким образом, открывает книгу. Дальше — мемуары о нем его друзей и читателей, слово любви к нему («Память»). Частью этого мемуарного слова были прямые отклики на его гибель, появившиеся в разделе «In memoriam» в журнале «Новое литературное обозрение» (2005, № 75 и 2006, № 77) и в «Тыняновском сборнике», большей же частью это воспоминания-отклики более поздние, датируемые днем уже настоящим. Одна статья — о романе Чудакова Андрея Немзера — еще при жизни автора была написана и напечатана; мы вводим ее сюда же, в посмертное. Саша тогда же ее оценил и написал в своей дарственной Немзеру: «автору самых точных слов об этом сочинении». Жизнь Александра Павловича и живой его образ отражены в многочисленных фотографических материалах, а также в некоторых автографах. Это тоже Саша — его почерк, его живая рука.

Многие из составивших книгу материалов предоставлены для нее М. О. Чудаковой и М. А. Чудаковой, многие, особенно в личной части («Слово Александра Чудакова») сопровождаются личными комментариями Мариэтты Омаровны; ею же в основном подобран вошедший в книгу фотографический материал.

С. Бочаров

Мариэтта Чудакова, Ирина Гитович

БИОГРАФИЯ

Чудаков Александр Павлович (1938, г. Щучинск Кокчетавской области — 2005, Москва). Родился в семье учителей.

Его отец, Павел Иванович Чудаков, выпускник истфака МГУ, был родом из Тверской губернии — из села Воскресенского Бежецкого уезда. В 20-е годы вся его семья — родители, пятеро их сыновей и единственная дочь — жила в Москве, на Пироговке. Дед Ч. по отцовской линии, Иван Чудаков, происходивший в далеком прошлом из однодворцев, но росший уже в крестьянской семье, был из артельных тверских мужиков — золотильщиков церковных куполов (в такую артель по понятным причинам набирали только самых честных). Семейная легенда о смерти деда, знакомая Ч. с детства, вошла впоследствии в его роман-идиллию «Ложится мгла на старые ступени»:

Когда взрывали храм — тогда делали это, еще не скрываясь — дед пошёл смотреть. Его уговаривали остаться дома — не послушался. Видел, как в три секунды осел с неба к земле Храм; с Каменного моста была видна как раз та часть большого купола, которую десять лет золотил он. <...>

После взрыва дед слёг, болел, долго не могли определить чем; через год выяснилось — рак. В семье были уверены — *от этого*.

Могил его и его жены в Москве не осталось; обстоятельства этого также описаны в романе-идиллии:

...Антон любил ходить по отцовским местам, о которых слышал столько раз, что, казалось, он уже здесь бывал: по Усачёвке, скверу на Пироговке, вдоль стены Новодевичьего

монастыря. На Новодевичьем кладбище были похоронены дед с бабкой по отцовской линии. Но когда перед войной дядя как-то собрались посетить могилы, на их месте они увидели ровную заасфальтированную площадку. В конторе возмущенным сыновьям показали затертый номер «Вечерней Москвы», где в уголке было несколько петитных строчек о реконструкции кладбища, в связи с чем родственников таких-то участков просят в месячный срок и т. д. Но дядьям газета на глаза не попала: Василий Иванович был уже под Магаданом, Иван Иванович, отовсюду уволенный, обивал пороги в поисках работы, Алексей Иванович, специалист по горным машинам, уехал от греха подальше куда-то на шахты, а отец Антона — в Казахстан.

Действительно — после ареста (по обвинению в троцкизме) одного из братьев (Василий пробыл в советском концлагере десять лет), вызова на Лубянку другого (Андрея) и увольнения отовсюду третьего — Ивана (не затронут был только четвертый — Владимир, служивший далеко от Москвы), самый младший, будущий отец Ч., в то время — строитель московского метрополитена — принял спасительное решение: уехать как можно дальше от Москвы. Так он оказался в Казахстане; вскоре вместе с молодой женой Евгенией Леонидовной Савицкой осел в городе Щучинске (близ курорта Боровое), где уже находились дед и бабушка Ч. со стороны матери — Леонид Львович Савицкий (из священников, окончивший Виленскую духовную семинарию, но ставший не священником, а учителем гимназии) и Ольга Петровна, урожденная Налочь-Длусская-Скłodовская.

Хорошо подготовленный дедом, семилетний мальчик пошел сразу во второй класс.

Город был местом ссылок сталинского времени, поэтому уровень преподавания в школе, где среди учителей были доценты ленинградских вузов, оказался достаточно высоким. Мать преподавала химию в его школе, отец — историю в техникуме. Оба учительствовали в своем городе более тридцати лет; полгорода составляли их ученики.

Главное влияние на формирование личности и мировоззрения Ч. в детстве и отрочестве оказал дед (ставший впоследствии прототипом главного героя его романа), авторитет которого был в глазах ребенка незыблем. Ч. рассказывал, что с раннего детства слышал от деда при упоминании имени Сталина одно и то же слово — «Бандит!» — сопровождаемое энергичным взмахом руки. И не посадили деда в те времена лишь потому, что городской сотрудник НКВД был его учеником;

поэтому пришел к его зятю (отцу Ч.) с предупреждением — как-то унять старика: «Посадим!».

В пять-шесть лет внук читал деду заголовки свежих газет. Лежа на диване, дед слушал и чаще всего подводил черту одним словом — «Брехня!» Внук читал следующий заголовок, в редких случаях получая приказание: «Читай целиком!» Так было прочитано заключение Специальной комиссии во главе с Бурденко — фальшивка, утверждавшая, что тысячи поляков в Катыни расстреляли немцы во время войны. Дед резюмировал — «Брехня!»; малолетний внук это запомнил. В родительский дом ходили ссыльные; при мальчишке велись откровенные политические разговоры — хозяева и гости доверяли друг другу и почему-то были уверены в том, что ребенок понимает — эти разговоры не следует выносить за порог дома. Специфическая атмосфера в городе и семье дала Ч. такое представление об истории своей страны в XX веке, что для него, в отличие от многих ровесников — во всяком случае, москвичей — доклад Хрущева на XX съезде не был поворотным пунктом: о многом он уже знал или догадывался.

В 1954 году Ч. окончил школу с золотой медалью и вместе с двумя одноклассниками — его ближайшими друзьями, тоже медалистами — впервые в жизни поехал в Москву, о которой так много слышал от родителей, покинувших ее поневоле. Успешно пройдя собеседование (в тот год конкурс медалистов был 25 человек на место), он поступил на филологический факультет МГУ (заметим, что оба его друга-одноклассника также поступили с первого захода — без помощи родителей или кого бы то ни было — туда, куда хотели: один на физический факультет МГУ, другой — в геологоразведочный: так учили в школе Щучинска, население которого составляло тогда всего 20 тысяч). Помощь отца понадобилась только когда выяснилось, что успешному абитуриенту — 16 лет: в Московский университет, в отличие от других вузов, принимали тогда с 17-ти лет. Отец приехал в Москву и пошел на прием к ректору Петровскому с просьбой в виде исключения зачислить 16-летнего абитуриента; ректор дал согласие. Ч. был едва ли не самым младшим на курсе. Сегодня немало его одноклассников еще могут подтвердить, что уже на первом курсе он оказался среди лучших — обладателей достаточно широкого культурного кругозора, нетривиально мыслящих.

В первом же семестре Ч. проявил себя отличным спортсменом (первая «десятка» университета по плаванию), но на третьем курсе,

когда в неделю оказалось пять тренировок, вынужден был сделать выбор в пользу науки; его тренер, известный многократный чемпион страны по плаванию Мешков, уверял, что он делает ошибку: «Ты прирожденный брассист! Я тебя готовлю на будущий год на Спартакиаду, а через три года — на Олимпиаду!..»

В Москве он в первую очередь бросился в Большой зал Консерватории. Прекрасно знавший классическую музыку (слушая ее по радио в родном городе), он любил и глубоко чувствовал ее. Одна из самых первых записей в его дневнике, начатом на втором курсе, весной 1956 года:

9 марта. Слушал вечером (попал — повезло) 7-ю и 8-ю симфонии Бетховена. Какой оптимизм, какое веселье, какой задор! Третья часть седьмой с ее славянскими мелодиями...

Решение вести дневник получает свою мотивацию (как и все его действия первых московских лет) — в самом дневнике (см. запись от 19 апреля 1956 г.)

Главные его занятия (и главные траты — скудной стипендии и небольших родительских переводов) первых московских лет — Консерватория, МХАТ и букинистические магазины. В прямом смысле слова отказывая себе в еде ради книг и музыки, на третьем курсе Ч. заболел язвой двенадцатиперстной кишки в такой острой форме, что прямо из рентгеновского кабинета университетской поликлиники был увезен в больницу и на четвертом курсе вынужден был взять годичный академический отпуск. (Тогда же он поставил себе задачу — вернуть здоровье и спортивную форму. Через несколько лет, когда слово «моржи» еще не появилось, занялся зимним плаванием и на первых же соревнованиях на Москве-реке занял третье место — следом за профессиональными спортсменами — мастерами спорта.)

Каждый день после лекций Ч. непременно обходит пять магазинов в центре Москвы — собирает главным образом филологическую литературу 1900—1920-х годов (иногда прибавляя к ней — по средствам! — философию и поэзию Серебряного века, еще не имеющего такого названия), рано поняв (каким-то наитием), что рекомендуемое на филфаке советское литературоведение к науке имеет отдаленное отношение; к концу пятого курса он досконально освоил труды Тынянова, Шкловского и Эйхенбаума; похвастаться этим в те годы могли не более трех-четырех его сокурсников.

Характерная дневниковая запись 1958 года:

19 июня. <...> Сегодняшний поход по букинистам был удачен. Но на Кузнецком буквально из-под носа взяли Мандельштама!.. «Огорченья не снесла»...

(Позже вставлен инициал — «И.». Речь шла об изданной в 1902 году книге И. Мандельштама «О характере гоголевского стиля», впоследствии им приобретенной. Купить книги О. Мандельштама — в отличие от книг Гумилева — в букинистических в ту пору было невозможно — М. Ч.)

Главные его силы отданы филологии. Он занимается на кафедре русского языка; начинает печататься (Стиль и язык рассказа Чехова «Ионыч» // Русский язык в школе, 1959, № 1); пишет диплом о стиле Чехова под руководством академика В. В. Виноградова.

Уже в студенческие годы, Ч., не будучи диссидентом (хотя, естественно, диссиденты входили в семейный дружеский круг Чудаковых), столкнулся с давлением советской власти на свою научную жизнь. Студентом 5-го курса он был приглашен на I Международную конференцию по вопросам поэтики, проходившую в августе 1960 года в Варшаве, — она должна была стать настоящим научным событием: изучение поэтики в странах «социалистического лагеря» только возрождалось после ликвидации «формальной школы». Тогда Ч. впервые *не выпустили* за рубеж. С этого времени он стал *невъездным* (разумеется, как это было принято, без объяснения причин). В последние годы жизни в домашних разговорах Ч. вспоминал именно этот первый случай, глубоко его травмировавший: «Если бы я поехал на эту первую конференцию по поэтике, которой был так увлечен, — каким бы толчком могло это стать в моих научных занятиях!..»

В аспирантуру в те годы поступать сразу после Университета было невозможно, несмотря на рекомендацию Ученого совета: Хрущев потребовал, чтобы и рекомендованные в аспирантуру наряду со всеми выпускниками отработали два года прежде, чем начать научные занятия. По распределению А. П. стал преподавать русский язык в только что открытом Университете Дружбы народов — и едва ли не первым стал активно применять лингафонные средства, добиваясь больших успехов; восхищался лингвистической одаренностью студента одной из африканских стран — на новогоднем вечере 1961 года тот читал наизусть стихи Пушкина без единой орфоэпической ошибки...

Спустя год, летом 1962 года, при содействии акад. Виноградова проректор МГУ принял у Ч. документы (до этого безоговорочно отказав в этом) и допустил к экзаменам в аспирантуру; на А. П. произвело неизгладимое впечатление поведение проректора: не смотревший в его сторону при первом визите чиновник после звонка академика вышел к нему из-за стола со словами: «Что же Вы нас совсем забыли?!..».

Под научным руководством В. В. Виноградова была написана кандидатская диссертация Ч. «Эволюция стиля прозы Чехова» (М., 1966).

В 1962 году Ч. познакомился с В. Б. Шкловским и, сразу же возбудив его интерес (прежде всего — как знаток Опыта) и несомненную симпатию, все последующие годы, до последних дней жизни Шкловского, встречался с ним; не боясь преувеличений, можно утверждать, что мемуары Ч. «Спрашиваю Шкловского» (Литературное обозрение, 1990, № 6) — едва ли не лучший очерк личности Шкловского. Впоследствии в его же предисловии к сборнику Шкловского «Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе» (М., 1990) под названием «Два первых десятилетия» дан очерк самого плодотворного периода научного творчества Шкловского.

Серьезным шагом в изучении «формальной школы» стала работа (совместно с Е. А. Тоддесом и М. О. Чудаковой) над обширнейшим комментарием к сборнику статей Тынянова — и изнурительная четырехлетняя борьба за его издание (Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977); ему предшествовало издание сборника статей Тынянова «Пушкин и его современники» (М., 1968; комментарии Ч. и А. Л. Гришунина). Работа над историей отечественной филологической науки продолжалась все последующие годы; впоследствии, в 1976—2003, со статьями и комментариями Ч. вышли 4 тома «Избранных работ» В. В. Виноградова.

Ч. занимался и критикой современного литературного процесса; первая большая работа о современной литературе — «Искусство целого: Заметки о современном рассказе» (Новый мир, 1963, № 2; в соавторстве с М. О. Чудаковой, с 1957 г. — его женой).

В 1964 году, приглашенный к участию в начинавшемся академическом издании Чехова, Ч. оставил очную аспирантуру и стал сотрудником ИМЛИ, где проработал до конца дней. Одновременно читал лекции в МГУ, в Педагогическом институте им. Ленина, в Литературном институте, в последние годы — в Школе-студии МХАТ.